

Книга Барыкиной, конечно, не даёт исчерпывающий ответ на все вопросы, связанные с личностью и деятельностью гр. Толстого, но она содержит ценный материал для размышлений о его исторической роли. По словам автора, «как “человек системы”, с юности отличавшийся организованностью и дисциплинированным умом, Д.А. Толстой часто больше внимания уделял форме, чем содержанию. Эта особенность мышления, проявившаяся в его сочинениях, отразилась и на политических взглядах: все свои силы он направлял на то, чтобы удержать в рамках традиционного общества процесс модернизации, не признавая его необходимости и неизбежности для России. Однако эта идея оказалась нежизнеспособной: если в конце XIX столетия консервативное течение одержало верх, то в начале XX в. старые формы государства и порядка управления были сметены революционным взрывом» (с. 271).

И.Е. Барыкиной удалось показать, как приверженность гр. Толстого бюрократическим правилам и методам преобразования жизни фактически привела к неудаче многих его начинаний, в том числе и реформы образовательной системы. Даже под руководством столь энергичного человека, как гр. Толстой, чиновничья машина зачастую работала вхолостую. Но если граф отрицал необходимость и неизбежность модернизации, то почему он не противостоял ей, а пытался удержать её в «рамках традиционного общества»? Характерно, что автор вполне справедливо причисляет его к «западникам», полагавшим, что социально-экономическое развитие российского общества идёт по европейскому пути (с. 165–166). Возможно, в этом и заключалась трагедия русских охранителей пореформенного времени, включая гр. Толстого, Делянова и др., пытавшихся следовать известной формуле Уварова: «*Быть Русским по духу прежде, нежели стараться быть Европейцем по образованию*». Однако на деле модернизация культуры и науки, а также связанные с ней изменения в экономике и языке, отставали от трансформации массового сознания, но одновременно заметно обгоняли темпы преобразования институтов управления. Синхронизировать эти процессы безуспешно пытались и либеральные консерваторы, и консервативные либералы (в том числе и состоявшие на государственной службе), и последовавший в начале XX в. революционный крах свидетельствовал об общем провале интеллектуальной и политической элиты Российской империи.

Александр Котов: Портрет загадочного триумвира⁴⁰
Aleksandr Kotov (Saint Petersburg State University, Russia):
Portrait of the mysterious triumvir

DOI: 10.31857/S2949124X24040206, EDN: FEIPAQ

Граф Д.А. Толстой традиционно воспринимается, наряду с М.Н. Катковым и К.П. Победоносцевым, как один из «триумвиров», направлявших политику «контрреформ». Ещё Е.М. Феоктистов иронизировал в своих воспоминаниях по поводу этого «триумvirата», сравнивая его с лебедем, раком и щукой⁴¹. Однако,

⁴⁰ Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 24-18-00294 «“Русский мир” и “русская земля”: исторические и социально-политические аспекты проблемы национальной идентичности в публицистическом дискурсе середины XIX – начала XX в.», выполненный в Санкт-Петербургском государственном университете.

⁴¹ Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы (1848–1896). М., 1991. С. 221.

хотя в стереотипное представление о царствовании Александра III как времени «застоя» и «реакции» эти образы вполне укладываются, при ближайшем рассмотрении и они, и сама эпоха приобретают иные черты, а описываемое в чёрно-белых тонах противостояние «прогрессистов» и «консерваторов» распадается на множество объективных и субъективных (но от того не менее значимых) коллизий. Так, выясняется, что идеологов и деятелей «контрреформ» критиковали не только либералы, но и другие консерваторы. Например, для государственного контролёра Т.И. Филиппова редактор Московских ведомостей и обер-прокурор Святейшего Синода отнюдь не соратники по «контрреволюционной партии». Для него «сочетание питерского Копронима с московским опричником (Катков) есть миниатюрное изображение “зверя со змием”»⁴².

Но если судьбы и взгляды других триумфиров описаны уже достаточно разносторонне⁴³, то гр. Толстому повезло меньше: его историографический портрет, как и во времена П.Н. Милюкова и А.А. Корнилова, продолжает устрашать потомков всевозможными оттенками серости петербургского бюрократизма. Даже в наиболее обстоятельной и продуманной его биографии можно обнаружить инерцию обличающего «освободительного» пафоса и некритическое воспроизведение анекдотов, например, о том, как по дороге в Ливадию министр внутренних дел изображал лошадь и кричал: «Человек, порцию сена!»⁴⁴.

Поэтому монография И.Е. Барыкиной в известном смысле не только нова, но и уникальна. Конечно, она написана в традициях всё той же либеральной и советской историографии и частично сохраняет их клише и оценки, но всё же её сдержанная стилистика далека как от чрезмерной комплиментарности, так и от карикатуры. Значительная часть книги посвящена характеристике научного наследия гр. Толстого (с. 164). При этом он предстаёт как последовательный западник, который в одной из своих работ «в каждой главе... проводил параллели, подчёркивая общие черты России и Западной Европы и придя в заключение к выводу о тождественности элементов русской и западноевропейской финансовых систем и их исторического развития, обусловленной “одинаковостью степени общественных цивилизаций”» (с. 165). В то же время к числу мыслителей, повлиявших на графа, автор относит и П.Я. Чаадаева (с. 212).

Опровергая традиционный стереотип о «реакционности» и «мракобесии» Толстого, Барыкина отмечает его осторожность и, в частности, нежелание «расправляться со всеми печатными изданиями». Так, в 1882–1884 гг. «он долго щадил самое демократичное из них — “Отечественные записки”». Несмотря на крайне негативное отношение к направлению, которое представлял редактор журнала М.Е. Салтыков-Щедрин, министр внутренних дел не мог нарушить неписанный закон лицейской дружбы. Журнал был закрыт только под давле-

⁴² Пророки византизма: переписка К.Н. Леонтьева и Т.И. Филиппова (1875–1891) / Сост. О.Л. Фетисенко. СПб., 2012. С. 330.

⁴³ См., в частности: *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010; *Полунов А.Ю.* Победоносцев: русский Торквемада. М., 2014; *Санькова С.М.* Государственный деятель без государственной должности. М.Н. Катков как идеолог государственного национализма. Историографический аспект. СПб., 2007; *Котов А.Э.* «Царский путь» Михаила Каткова: Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов. СПб., 2016; *Перевалова Е.В.* «Русская Times»: газета «Московские ведомости» под редакцией М.Н. Каткова (1863–1887). М., 2020.

⁴⁴ *Степанов В.Л.* Дмитрий Андреевич Толстой // Российские консерваторы. М., 1997. С. 262.

нием заместителей Д.А. Толстого — В.К. Плеве и П.В. Оржевского» (с. 137). После смерти графа А.В. Богданович записала в дневнике: «[А.С.] Суворин просидел сегодня долго вечером у нас, он жалеет Толстого, говорит, что печать никогда подобного не будет иметь. Что Толстой никогда никому её не выдавал, что четыре раза он попадался, на него жаловались Толстому, и всё-таки Толстой, не зная его, отстоял все 4 раза: история дружины, Вильома, статьи о Лорисе и Шувалове»⁴⁵.

Немало страниц в монографии занимает рассказ о дяде и наставнике будущего министра — гр. Д.Н. Толстом, которому, по мнению исследовательницы, были свойственны «консервативные устремления типичного представителя небогатого поместного дворянства, полагавшего, что главные задачи правительства состоят в наведении порядка и поддержке высшего сословия» (с. 48). Но в отличие от тогдашней «аристократической партии», Толстые, как дядя, так и племянник, настаивали на защите православия и «русских начал», в том числе на западных окраинах империи. Старший из них был хорошо знаком с рижским епископом Филаретом (Гумилевским) (с. 38), младший — с виленским митрополитом Иосифом (Семашко) (с. 215). Впрочем, будучи обер-прокурором Святейшего Синода, граф распоряжался в «петровском» духе и никогда не сомневался в том, что православная Церковь во всех мирских делах должна подчиняться государству (с. 102). Как пишет Барыкина, он разделял «неприязненное отношение к чёрному духовенству», распространённое «в чиновничьей среде»: «Видя в каждом епископе претендента на роль патриарха, Толстой выступал против предоставления Русской православной церкви самостоятельности. К вопросу веры Дмитрий Андреевич относился с рациональной точки зрения, считая, что она не должна быть слепой... Несомненно, он был верующим человеком, но не отличался религиозностью, редко причащался и храмы посещал не очень часто» (с. 104)⁴⁶. Правда, это не мешает автору утверждать при анализе антикатолической публицистики графа, будто «Д.А. Толстой был ревностным православным христианином» (с. 205).

Между тем нельзя не учитывать весьма непростое отношение в те годы представителей «русского направления» (отчасти «восторжествовавшего» при Александре III) к «государственному православию». В книге оно проскальзывает лишь при упоминании о замечаниях, высказанных И.С. Аксаковым и М.О. Кояловичем по поводу трудов гр. Толстого (с. 178–180), однако полемика славянофилов консервативных сторонников церковной самостоятельности с «катковским направлением»⁴⁷, к которому принадлежал граф, полностью игнорируется.

Собственно, невнимание к идеологическим аспектам описываемых сюжетов и является, пожалуй, главным недостатком книги. Даже о роли «Московских ведомостей» в пересмотре наследия А.В. Головнина сказано крайне скупно: «Убедившись в необходимости “классической” реформы как для образования,

⁴⁵ РГИА, ф. 1620, д. 243, л. 35. К сожалению, Барыкина ссылается лишь на изданную под названием «Три последних самодержца» советскую компиляцию дневника Александры Викторовны, где данный фрагмент отсутствует.

⁴⁶ Если верить генералыше Богданович, петербургский митрополит Исидор (Никольский) выразился ещё резче: «Никто не помнит, когда он причащался» (*Богданович А.В. Три последних самодержца*. М., 1990. С. 112; РГИА, ф. 1620, д. 243, л. 50).

⁴⁷ *Котов А.Э.* Был ли Катков православным консерватором? // Тетради по консерватизму. 2018. № 3. С. 59–67.

так и для политического строя Российской империи, Д.А. Толстой доверил теоретическую сторону сподвижникам М.Н. Каткова, а сам, как практик, энергично взялся за её осуществление, решительно преодолевая все препятствия, главным из которых было сопротивление членов Государственного совета: А.В. Головина, Д.А. Милютин, К.К. Грота...» (с. 122). При этом более чем осведомлённый чиновник учебного ведомства Феокистов в 1871 г. отмечал: «Нет ни малейшего сомнения, что если нынешняя реформа увенчается успехом... то заслуга этого будет принадлежать Каткову, одному Каткову. Он делал во всё это время истинные чудеса. Прежде всего удалось ему совершенно овладеть графом Толстым... Нельзя сказать, чтобы присутствие Каткова не ощущалось довольно тягостно: он не давал покою Толстому, а Толстой, и без того уже нервный, не давал покою нам — и вообще всё министерство находилось как бы в лихорадке»⁴⁸. Трудно назвать подобную деятельность «теоретической».

Барыкина полагает, что на рубеже 1850—1860-х гг. гр. Толстой являлся чуть ли не крепостником, разделявшим, вместе с дядей, «типичную для представителя родовитого (хоть и небогатого) поместного дворянства» позицию: «По его мнению, подготовку реформы взяла на себя “чиновничья петербургская партия”, состоявшая “исключительно из чиновников, литераторов и журналистов” и действовавшая вопреки интересам помещиков и государства. Следствием стала необдуманность преобразований 1860-х гг., которые вызвали разочарование и недовольство как помещиков, так и крестьян» (с. 41). При освобождении крепостных в его рязанских имениях граф действовал в полном соответствии с идеалами «помещичьей партии» (с. 85). Поэтому и в политике, проводившейся им в 1880-е гг., автор, следуя советской историографической традиции, видит всё ту же логику: «По словам М.В. Толстого, принимая министерский портфель, Д.А. Толстой предупредил Александра III о том, что он является убеждённым сторонником дворянских привилегий и, став министром, будет всячески их защищать. Это было не голословное заявление. Одним из главных результатов деятельности Толстого в МВД стала разработка “Положения о земских начальниках” и земская контрреформа... Император выделил Толстого из всей “консервативной партии” за его последовательность в действиях и верность однажды принятой позиции. От Толстого даже не потребовали представить программу будущих действий. Сама его фигура олицетворяла охранительное направление» (с. 135).

Однако под «охранительным направлением» в то время могли понимать совершенно разные вещи. Представители высшей знати, составлявшие «аристократическую оппозицию» 1860-х гг.⁴⁹ или входившие в Святую дружину, заигрывавшую с левым подпольем, также считали себя «охранителями» — как самодержавия, так и дворянских привилегий. Современники же отчётливо видели разницу между такими «консерваторами» и гр. Толстым: «Я думаю, — писала 30 декабря 1888 г. Богданович, — что Толстой, раз он хлопочет об усилении губернаторской власти, не хочет потакать дворянам в том, что они этой власти не повинуются, и дать им возможность похвалиться, что по их просьбе меняют губернаторов»⁵⁰. В историографии на это довольно точно указал В.Л. Степанов: «В своих убеждениях граф шёл до известных пределов. Дворянство ни в коем

⁴⁸ ИРЛИ, ф. 318, д. 9121, ч. 2, л. 21.

⁴⁹ Подробнее см.: *Христофоров И.А.* «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. М., 2002.

⁵⁰ РГИА, ф. 1620, д. 241, л. 88.

случае не должно было претендовать на политическую власть в государстве и конкурировать с тронем. Интересы самодержавия Толстой ставил превыше всего. Чтобы не допустить сплочения дворянской олигархии, он категорически запретил предполагавшийся в Москве накануне празднования столетия Жалованной грамоты съезд губернских предводителей дворянства»⁵¹. Таким образом, намечавшееся на рубеже 1860–1870-х гг. сближение «катковцев» с «дворянской партией» оказалось весьма условным и непрочным.

Совсем ступшевался на страницах книги главный разработчик сословных «контрреформ» и один из ближайших сотрудников гр. Толстого в последние годы его жизни — А.Д. Пазухин. Хорошо знавший его К.Ф. Головин, ценивший в нём «искренность и теплоту, столь чуждые нашим бюрократам», вспоминал: «Он искренно любил московского чиновника, приказного дьяка, “служилого человека”, как он называл этого очень малосимпатичного субъекта. Пазухин чистосердечно воображал, будто наши служилые люди коренным образом отличались от юристов, судей и разных коронных чиновников, служивших королевской власти на Западе»⁵². В Европе, по мнению Пазухина, «вместо крепостного права землевладельцев установилось худшее крепостное право — ростовщиков»⁵³. В России же дворянское сословие, созданное Петром Великим, всегда укреплял приток «новых сильных элементов»: «Аристократическая исключительность и сословная замкнутость противны характеру нашей истории и началам нашего государственного быта... Мудрость законодателя состоит в искусном устройстве ворот, не настолько широких, чтобы в них ворвались негодные элементы, но и не настолько узких, чтобы затруднить получение дворянства для наилучших элементов из других сословий»⁵⁴.

Пазухин доказывал, что «крепостное право было временным спутником помещной системы, но не было её исторической основой», а «нынешнее дворянство не нуждается для поддержания своего хозяйства в тех мерах, без которых не могли обойтись служилые люди первых царей Дома Романовых»⁵⁵. Соответственно и Положения 19 февраля 1861 г., ставшие продолжением начинаний Александра I и Николая I, не прервали прежние связи в обществе, но предоставили дворянству «новое право выставлять из среды своей лиц для приведения в исполнение реформы и для управления крестьянским сословием»⁵⁶. Тем самым, в отличие, например, от Р.А. Фадеева, Пазухин рассматривал дворян не как незаменимый «культурный слой» русского общества, но как важнейший элемент государственного строя, что и обеспечило публицисту поддержку Каткова.

Но взгляды Пазухина разделяли не только «катковцы». Солидаризируясь с ним, подконтрольный Филиппову «Голос Москвы» заявлял: «Дворянин, являющийся действительно знатоком и защитником русского дворянства, резко расходится с верховниками, и не только не стремится, в противоположность требованиям нашей истории, закрыть доступ в дворянство другим сословиям, но, напротив, желает мер, направленных к тому, чтобы двери для входа в дво-

⁵¹ Степанов В.Л. Дмитрий Андреевич Толстой. С. 275.

⁵² Головин К.Ф. Мои воспоминания за 35 лет (1859–1894). Изд. 2. Т. 2. СПб.; М., [б.г.]. С. 101–102.

⁵³ Пазухин А.Д. Современное состояние России и сословный вопрос. М., 1885. С. 52.

⁵⁴ Там же. С. 48, 57.

⁵⁵ Там же. С. 28.

⁵⁶ Там же. С. 10.

рянство были открыты для всех выдающихся лиц других сословий. Он желает, чтобы неудачное понятие “интеллигенция” перестало существовать, потому что всё действительно развитое соединено в одно сословие, которое пользуется полным доверием царя, опирающегося на него в деле местного самоуправления»⁵⁷. Сочувствовал Пазухину и К.Н. Леонтьев⁵⁸.

Речь, таким образом, шла не о «попятном движении» (с. 138), но о коррекции Великих реформ, опирающейся как на национальный (пусть иногда и превратно понимаемый), так и на западный опыт, который, кстати лежал в основе программы университетской «контрреформы»⁵⁹. И не случайно осуществлять эту политику пришлось именно такому государственному деятелю, как гр. Д.А. Толстой, который, судя по исследованию И.Е. Барыкиной, являлся не «мракобесом» и «реакционером», но осторожным европейским интеллектуалом, добросовестно служившим русской власти.

Андрей Мамонов: Просвещённый реакционер

Andrey Mamonov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): An enlightened reactionary

DOI: 10.31857/S2949124X24040218, EDN: FEFPIW

Свой «опыт биографии министра» И.Е. Барыкина делит на «две сюжетные линии: бурные коллизии чиновничьей жизни и кабинетное затишье научных штудий» (с. 8). Но начинается она «с самых истоков», рассказывая про «родственное окружение» Дмитрия Андреевича (с. 9–53), его учёбу в Лицее (с. 53–69), друзей и знакомых (с. 69–80), семью (с. 80–89). Исследовательница вынуждена признать, что не сохранилось никаких сведений о детстве графа, об «атмосфере, царившей в родительском доме, об играх и забавах», о его болезненном младшем брате Всеволоде, умершем в 19 лет, и проч. (с. 18). Тем не менее она пытается собрать всё, что известно о домашней обстановке и фамильных преданиях той ветви графского рода, к которой принадлежал консервативный сановник. Так, в книге ярко представлен его хорошо образованный и обеспеченный дед гр. С.Ф. Толстой, скончавшийся задолго до рождения своего знаменитого внука и оставивший 12 детей, навсегда рассорившихся при разделе наследства. Тут же сообщается о сломанной судьбе П.И. Колошина (мужа двоюродной сестры гр. Д.А. Толстого), попавшего в 1825 г. под следствие по делу о мятеже на Сенатской площади, к которому, проживая в Москве и давно покинув тайные общества, он не имел никакого отношения. Летом 1826 г. его освободили, но выгнали со службы, оставив «в сильном подозрении» с испорченным в каземате зрением; через 10 лет он полностью ослеп. Ещё трагичнее сложилась судьба отца Дмитрия Андреевича: гр. А.С. Толстой, являвшийся, по словам Барыкиной, «типичным светским молодым человеком», в 1830 г. был убит во время попойки обиженным собутыльником. Молодая вдова, которой не исполнилось тогда 25 лет, оставшись с двумя сыновьями и дочерью, вскоре вступила в брак с их гувернёром. Вслед за Е.М. Феоктистовым автор сообщает,

⁵⁷ Действительный голос с места // Голос Москвы. 1885. № 46. 12 февраля.

⁵⁸ Леонтьев К.Н. Культурный идеал и племенная политика // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. / Под ред. О.Л. Фетисенко. Т. 8(2). СПб., 2009. С. 51.

⁵⁹ Котов А.Э. «Царский путь» Михаила Каткова... С. 98–99.